

5. От XX съезда КПСС до устранения антипартийной группы

Приветствуемый «бурными и продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию», Хрущев одержал на XX съезде частичную, но бесспорную победу. Хотя ему и не удалось изменить состав членов Политбюро, он сумел ввести туда в качестве кандидатов несколько своих сторонников, которые вошли также в Секретариат ЦК (Жуков, Брежнев, Шепилов, Фурцева). Центральный Комитет (225 членов и кандидатов) был значительно обновлен и наполовину состоял из новых членов, обязанных своим недавним выдвижением Хрущеву. Однако по мере того, как проходил шок XX съезда и в обществе росло желание получить ответы на многочисленные вопросы, в партии начало организовываться сопротивление десталинизации. Большинство партработников, сделавших карьеру при Сталине, правильно понимали, что процесс десталинизации будет трудно удержать в рамках разоблачений, сделанных на съезде. Каждый из них боялся, что однажды у него спросят, какую роль — активную или пассивную — он играл в чистках и «культе».

Собравшись на пленум, 30 июня 1956 г. члены Центрального Комитета партии приняли постановление «О преодолении культа личности и его последствий», которое было большим шагом назад по сравнению с «секретным докладом». Вплоть до XXII

съезда этот документ сохранял свое значение и служил идеологической базой после- сталинского консерватизма. Сталин характеризовался в нем как «человек, который боролся за дело социализма», а его преступления — как «некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом». Да, культ личности признавался одной из черт сталинского периода, однако это явление рассматривалось исключительно как следствие личных недостатков Сталина. Заслуги Сталина явно перевешивали его слабости, которые не имели решающего значения и не смогли свернуть партию с правильного пути.

В течение лета 1956 г. эта консервативная позиция была подтверждена и теоретически развита в нескольких статьях, опубликованных, в частности, в журнале «Коммунист». Главной мишенью для последнего стал журнал «Вопросы истории», с начала года ставший центром глубоких размышлений об истоках культа личности и о фальсификациях советской истории (статьи Бурджалова о революциях 1917 г. и роли Сталина в них). «Коммунист» утверждал, что, желая показать колебания, расхождение во взглядах и даже ошибки того или иного руководителя партии в тот или иной момент, авторы журнала рисковали забыть о фундаментальном единстве партии, правильности и непогрешимости проводившейся ею линии, отражавшей ход истории. Через несколько месяцев, в декабре 1956 г., широко отмеченное столетие Плеханова дало возможность тем, кто испытывал ностальгию по сталинизму (в данном случае академику Митину, члену ЦК с 1939 г., которому было поручено сделать официальный доклад о первом русском марксисте), напомнить о монолитном единстве партии и заклеймить как «фракционеров» тех, кто под предлогом поиска исторической правды пытается дискредитировать партию, приуменьшить ее роль и грандиозные достижения, подорвать нерушимое единство партии и советского народа.

Это наступление консерваторов произошло после связанного с десталинизацией в СССР тяжелого кризиса, в октябре — ноябре 1956 г. потрясшего Польшу и Венгрию и поставившего под угрозу единство социалистического лагеря. В Польше разоблачения XX съезда и признание руководством КПСС многообразия путей к социализму вызвали кризис в общественном сознании как в партии, так и в стране в целом; смерть Берута к тому же открыла возможность либерализации руководства. В июне 1956 г. произошли антисталинские и антисоветские выступления в Познани. В этой стране, где отношение к восточному соседу издавна было сложным и неоднозначным, оформлялась настоящая и радикальная десталинизация. В середине октября сменивший Берута во главе партии Е.Ошаб был вынужден под давлением общественности уступить свой пост В.Гомулке, ставшему символом сопротивления советскому давлению и выразителем «польского пути к социализму». 19 октября, когда ЦК партии собрался для утверждения этой замены в руководстве, Хрущев в сопровождении Молотова, Микояна и Булганина без приглашения прибыл в Варшаву, чтобы попытаться повернуть ситуацию. Не решаясь прибегнуть к силе против страны, где в народе не переставала нарастать напряженность, имевшая отчетливый антисоветский характер, Хрущев и его команда, приказав сначала танковым частям двигаться к Варшаве, решили в конце концов договориться с Польшей, стоявшей на грани восстания. После очень напряженных дискуссий советские руководители приняли польские требования, касавшиеся национального суверенитета страны, возвращения в СССР Рокоссовского и советских советников, лишь бы только не была поставлена под вопрос принадлежность Польши к социалистическому лагерю. Польский кризис завершился победой десталинизации, но серьезно подорвал в глазах членов КПСС престиж Хрущева, которого решимость поляков вынудила отступить.

Еще более тяжелый кризис разразился в Венгрии, где компромисса достичь не удалось. Сталинский ставленник, первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся Ракоши вернулся с XX съезда КПСС полным решимости отстоять сталинизм в своей стране и дожидаться отстранения Хрущева, которое, по его прогнозам, должно было произойти в ближайшем будущем. В июле Ракоши был заменен Герое по приказу Хрущева, который потребовал, чтобы Венгерская партия трудящихся освободила и реабилитировала своих репрессированных, встав таким образом на советский путь. Однако слепое следование советской модели десталинизации не могло удовлетворить общество, полное решимости извлечь все уроки из критического анализа сталинизма

и деятельности партии. Вдохновленные польским примером, 22 — 24 октября 1956 г. венгры восстали, потребовав установления демократического режима и вывода из Венгрии Советской Армии. После первого, ограниченного, вмешательства войск СССР, вызванных для подавления восстания потерявшим контроль над ситуацией венгерским правительством, Микоян и Андропов (тогда посол СССР в Будапеште) провели переговоры, в результате которых И.Надь возглавил правительство, а Я.Кадар — руководство партией. Но народное движение, бывшее одновременно антикоммунистическим и антисоветским, быстро подчинило себе правительство Надя, которому не оставалось ничего другого, как встать во главе этой революции. Уступив требованиям революционных комитетов, 1 ноября правительство объявило о восстановлении политического плюрализма, выходе Венгрии из Варшавского пакта и провозгласило нейтралитет своей страны. Поддержанный всеми странами социалистического лагеря (в том числе Югославией и Китаем, с которыми Хрущев провел консультации по согласованию позиции в отношении Венгрии), 4 ноября после кровопролитных боев (20 тыс. убитых среди восставших) СССР снова ввел свои войска в Будапешт. Надь, нашедший сначала убежище в югославском посольстве, был 21 ноября арестован и вывезен в Румынию, где советский военный трибунал приговорил его к смерти. Генеральная Ассамблея ООН осудила советскую интервенцию, но западные державы, занятые в тот момент суэцким кризисом, остались пассивными. Их невмешательство в венгерские события показало, что они негласно признавали раздел Европы и не желали втягиваться в междоусобицу социалистического лагеря. В целом произошедшая трагедия в Венгрии дала аргументы противникам десталинизации в СССР. Последние сделали в последующие месяцы все возможное для того, чтобы ограничить ее масштабы и затем открыто выступить против тех, кто в их глазах был виновен в необдуманном инициировании опасного процесса.

После венгерского кризиса позиции Хрущева ослабли. Возвращение Молотова в правительство свидетельствовало о колебаниях советского руководства в определении политического курса. Молотов, которому 1 июня пришлось оставить министерство иностранных дел, уже 20 ноября был назначен министром государственного контроля. Эта должность давала ему право проверять деятельность любых гражданских и военных организаций, которые он принялся защищать от «нигилистской критики политически незрелых людей». В декабре 1956 г. пленум ЦК, ознакомленный с трудностями в выполнении шестой пятилетки, уменьшил показатели роста производства и производительности труда (частично удовлетворив таким образом рабочую среду, в которой высказывалось недовольство по поводу резкого увеличения норм выработки) и одобрил создание нового планирующего органа — Государственной комиссии по экономике, призванной координировать разработку ближайших планов, тогда как за Госпланом было оставлено долгосрочное планирование. Возглавленная Первухиным Комиссия должна была в двухмесячный срок представить предложения по «совершенствованию организации промышленности». Создание этой Комиссии вело к усилению централизации вопреки поощрявшимся Хрущевым схемам более децентрализованного управления. На состоявшемся 13 — 14 февраля 1957 г. пленуме ЦК партии Хрущев изложил свой проект децентрализации экономики, полностью противоречащий предложениям Комиссии. Отказывая ей в ведущей роли, проект Хрущева превращал Комиссию в простое передаточное звено и, оставляя реальное принятие долгосрочных решений за Госпланом, передавал конкретную разработку последних региональным органам в лице совнархозов. Проект предполагал также ликвидацию промышленных министерств, сокращение и децентрализацию слишком многочисленных центральных ведомств. Февральский пленум не решился сделать окончательный выбор между идеями декабря 1956 г. и хрущевскими тезисами и перенес дискуссию в прессу, а Первый секретарь ЦК КПСС тем временем выступал в различных городах СССР с речами, не скрывая наличие разногласий в руководстве.

10 мая 1957 г. Хрущев добился крупной победы: по его предложению Верховный Совет проголосовал за создание совнархозов и ликвидацию десяти промышленных министерств. 22 мая в Ленинграде им была произнесена важная речь, ознаменовавшая начало волонтаристской политики «броска вперед», сопровождавшейся дальнейшей децентрализацией. Экономическая политика, воспринятая как беспорядочная череда противоречивых инициатив, объединенных только резкой антибюрократиче-

ской направленностью, сразу же вызвала организованное сопротивление.

Воспользовавшись визитом Хрущева в Финляндию, его коллеги решили создать Президиум. На заседании 18 июня 1957 г. семь из одиннадцати его членов (Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Первухин и Сабуров) потребовали отставки Хрущева. Оставшись в меньшинстве (несмотря на то что четыре из пяти кандидатов в члены Президиума и секретари ЦК, также участвовавшие в заседании, приняли его сторону), Хрущев сослался на ленинские принципы демократического централизма и потребовал, чтобы конфликт в Президиуме был передан на рассмотрение Центрального Комитета — высшей партийной инстанции, — из состава которого формировался Президиум. Благодаря решающей поддержке Жукова, который организовал доставку военными самолетами разбросанных по всей стране членов ЦК, Центральный Комитет смог собраться уже 22 июня. Оказавшийся в роли арбитра и сознавая значимость, которую он получил благодаря инициативе Хрущева, ЦК был, естественно, настроен в пользу Первого секретаря. После нескольких дней дебатов Центральный Комитет отменил голосование Президиума и осудил «фракционную деятельность антипартийной группы». Молотов, Каганович, Маленков и Сабуров были исключены из Президиума ЦК, а Первухин переведен в кандидаты. Новый Президиум был расширен до 15 за счет перевода в члены Президиума прежних кандидатов (Жукова, Брежнева, Шверника и Фурцевой) и секретарей ЦК (Аристов, Беляев), поддержавших Хрущева.

Июньский кризис 1957 г., завершившийся важным успехом на пути десталинизации, узаконил кардинальный разрыв с прежней политической практикой. Несмотря на тяжесть обвинений, побежденные не были лишены ни жизни, ни свободы (Маленков стал директором электростанции в Сибири, а Молотов направлен послом в Монголию). Более того, ЦК КПСС вернул себе всю полноту власти.

Решающая роль, сыгранная в урегулировании июньского кризиса 1957 г. Жуковым, не могла не вызвать отрицательной реакции у Хрущева и гражданских властей. Помня о том, что в 1953 г. помощь армии позволила устранить Берия и в 1955 г. обеспечила победу Хрущева, последний воспользовался визитом маршала за границу, чтобы поставить перед Президиумом вопрос о «культе личности Жукова и его склонности к авантюризму, открывающему путь к бонапартизму». Собравшийся в конце октября пленум ЦК решил вывести Жукова из Президиума и ЦК партии. Победитель в битве за Берлин был вынужден к тому же заняться самокритикой, 3 ноября обвинив себя в «Правде» в попытках «насаждать культ своей личности», в проведении «линии на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским флотом со стороны партии, ее ЦК и Советского правительства». На пост министра обороны был назначен связанный с Хрущевым родственными узами маршал Малиновский, который произвел многочисленные перестановки и новые выдвижения. В марте 1958 г. Хрущев использовал выборы в Верховный Совет СССР, чтобы отстранить Булганина и занять его место во главе государства.

Возвращение Хрущева к сталинской практике 1940 — 1953 гг. совмещения руководства партией и правительством положило конец коллегиальности, несмотря на то что на XX съезде ее политические преимущества были торжественно подтверждены ссылками на ленинские традиции. Но если Хрущев и выглядел как носитель власти, фактически не уступавшей той, которой злоупотребил Сталин, его роль как во внутривластном, так и в международном плане не означала преемственности с амбициями и практикой своего предшественника. Об этом свидетельствовала уже судьба побежденных им противников и роль, которую отныне играл Центральный Комитет КПСС, старавшийся смягчать кризисы, ограничивая тем самым значение успехов Хрущева.